

М.К. Мусаева

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ У НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА, СВЯЗАННЫЕ С БЕСПЛОДИЕМ

В традиционном мировоззрении народов Дагестана наиболее сакрализованы были три события из цикла человеческой жизни: рождение, вступление в брак и смерть. Рождение и смерть воспринимались как переходные моменты в биологическом смысле, а вступление в брак – в социальном.

У многих народов Дагестана устройством брака своих детей родители занимались едва ли не с самого их рождения. Неслучайно так называемый «люлечный сговор» имел практически повсеместное бытование (См.: *Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 161–162).

Брак является предпосылкой для создания новой семьи, через которую человек входит в общество. Возможно, поэтому, говоря о женитьбе, аварцы, например, употребляли выражение «выйти в люди» (*Мусаева М.К.*, 2006. С. 17).

По представлениям народов Дагестана важнейшей семейной и социальной обязанностью человека было продолжение рода. В силу важности момента вступление в брак обставлялось самыми различными обрядовыми действиями и ритуалами, как зрелищными, так тайными. Большинство из них были направлены на то, чтобы усилить в новой семье продуцирующие способности, т.к. рождение детей считалось и считается естественным и главным назначением супружества. Такого мнения придерживались во всех обществах и во всех социальных слоях населения.

Свидетельством огромного значения, которое придавалось рождению детей, с которыми связывалось полноценное существование семьи, у народов Южного Дагестана (агулов, горских евреев, дагестанских азербайджанцев, лезгин, табасаранцев, терекменцев, рутулов, цахур) являются многочисленные пословицы, средоточие многовековой народной мудрости и опыта. Такие пословицы как: «Пусть ворота не останутся без сына, пусть мать не останется без дочери», «Самое сладкое дыхание – дыхание ребенка, самый сладкий голос – голос ребенка», «У кого нет детей, у того нет веры» и др. (почти идентичные были и у других народов Дагестана), указывали на важность материнства, на значение этой функции для общества. У лезгин, например, самым страшным проклятием для молодой женщины было: «Ваз веледин чин такурай» (Да не увидишь ты лица своего ребенка) (*Ризаханова М.Ш.*, 2005. С.164).

Многодетность рассматривалась у народов Южного Дагестана как признак семейного благополучия, хотя семья и не любила говорить посторонним о своем численном составе, и особенно о мужской ее части, из боязни «сглаза». Пожелания быть счастливой многодетной матерью высказывались невесте уже во время первых ее посещений дома будущего мужа. А в ответ на оказанную молодым человеком услугу пожилые люди обычно говорили: «Пусть твоя жена родит тебе сына-богатыря»; а если обращались к молодой женщине: «Да родится у тебя сын».

В благопожеланиях невесте чаще всего говорилось о 7 сыновьях и одной дочери. В застольной свадебной песне у лезгин пели:

«Стели не меньше двух перин,
А в них пусть будет –
Пух один,

Пусть семь детей,
Семь сыновей
У женщины счастливой будет.
Родится дочь – пусть сливой будет,
А слива долго не живет,

Когда от ветки отпадет» (См.: Песня гостей. 1956. С. 207–208; *Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 271).

На обеспечение многодетности был направлен и ряд магических приемов, характерных для свадебного обряда. Для этого проводили такие приемы, как осыпание невесты зерном, горохом или другими «семенами земли» во время ввода невесты в дом жениха; закидывание невесты сырыми яйцами. С этой же целью в свадебном поезде участвовали женщины, несущие подносы с ореховой халвой, вареными курами и яйцами, вареными бараньими яйцами, подносы с красочными деревцами, т.е. всем тем, что символизировало у вышеназванных народов плодovitость, древо жизни. Невесту встречали медом, ей желали сладкой жизни в доме мужа и таких же взаимоотношений с его родней (См.: *Булатова А.Г.*, 2003. С. 184). Однако, как считается в народе, это подразумевало еще и продуктивность пчел, и передачу этих способностей невесте.

В вопросах о количестве детей, на материальную сторону положения семьи в Дагестане обращали мало внимания. Считали, что если «Аллах дал детей, на детей он тоже даст», особенно, если речь шла о детях мужского пола.

Бездетные люди считались самыми несчастными – за ними некому было присмотреть во время болезни и старости, все надежды их были направлены на жалость родственников и общественности. Кроме того, существовало поверье о том, что отсутствие детей воздействовало на психологический климат семьи, взаимоотношения между супругами и их близкими родственниками. В этой ситуации, несмотря на то, что виновник бесплодия не всегда был известен, вина перекладывалась на женщину. С бездетной женщиной либо разводились, либо брали вторую жену. Нельзя сказать, что не было бездетных пар, но они были скорее исключением, и, как правило, в случаях, когда действительно мужчина был виноват в отсутствии детей.

Возможно, именно с перекладыванием вины за бездетность на женщину связано то, что рациональные и иррациональные манипуляции, действия и лечебные приемы, как считалось, помогающие вернуть детородные функции, предназначались только женщинам. Во всяком случае, не удалось выяснить, обращались ли мужчины к знахарям с подобной просьбой.

По традиционным представлениям всех народов без исключения, бесплодие женщин рассматривалось двояко: и как болезнь, имевшая в своей основе патологические нарушения организма (в результате тяжелого физического труда, вследствие простудных и целого ряда других заболеваний), и как результат воздействия враждебных человеку сверхъестественных сил, в том числе **чила** (злого духа). В соответствии с этим, чтобы избавить женщину и всю ее семью от бедствия, каковым считалась бездетность, прибегали как к рациональным, так и иррациональным методам лечения.

Если считали, что в семье нет детей из-за возможного нарушения таинства брака, то родственники жены обращались к мужчине, в чьей семье не было детей, с предложением обновить оформление брака. Считалось, что кто-то во время первого его заключения специально или неосознанно помешал таинству брака: во время проведения религиозного обряда «никях», закреплявшего узы брака, недоброжелатель закрыл замки или вынул из ножен, а затем вложил обратно кинжал. Это по существовавшим представлениям согласно имитативной магии

(подобное вызывается подобным) могло серьезно помешать счастью вновь созданной семьи, в том числе стать и причиной бездетности.

Серьезное беспокойство по поводу отсутствия детей начинали проявлять не ранее чем через год после совместной жизни, поскольку считали, что хотя бы год требуется, чтобы два организма привыкли друг к другу. При более чем годичном отсутствии детей первоначально обращались к религиозным служителям, которые обычно и выступали в роли знахарей и гадалщиков, «напускавших» или «снимавших» порчу, «изгонявших нечистую силу» из тела. Часто сельский мулла писал соответствующую суру из Корана, и завернутая треугольником и обшитая яркой тканью (чаще красного цвета), она пришивалась или прикалывалась к платью ближе к сердцу, т.к. считалось, что ребенка носят под сердцем.

Рациональные способы решения проблем бесплодия основывались на народном опыте и включали в себя различные лечебные процедуры. Опытные повитухи («*мому*» – *горск.евреи*, «*эбечи хатын*»,; «*жерягь*» – *лезг.*; «*гана-баб*» – *табас.*; «*гюбек кесен*» – *терек.*) пытались избавить женщину от бесплодия массажем и прогреваниями. Были известные знахарки-повитухи, которым удавалось достичь значительных, как говорят, результатов в этой области, даже в очень сложных случаях. Б.Р. Рагимова в своем исследовании описала процедуру «затягивания поясницы» («*юкь кьахчувун*») у лезгин, применявшуюся в случаях бесплодия у женщин: «Перед тем как приступить к этой болезненной процедуре, тело женщины распаривали с помощью трав. Затем больную клали на живот, на плечи ей накидывали толстую веревку, оба конца которой просовывали спереди между ног женщины. На спине просовывали через петлю и сильно затягивали в области поясницы. Знахарке помогала другая женщина, и обе они должны были тянуть концы веревки с силой в разные стороны до тех пор, пока женщина не закричит от боли. После процедуры затягивания на поясницу ставили большую глиняную банку – *цуб*. Минут через 15–20 женщина осторожно приподнималась, не наклоняясь. В течение трех дней она должна была лежать и ничего не делать, а в течение месяца не должна была выполнять тяжелую работу» (Рагимова Б.Р., 1991. С. 100). Такую же процедуру, но обозначенную как «растягивание позвоночника», отличающуюся некоторыми деталями от вышеописанной, упоминает в своей монографии и М.Ш. Ризаханова (См.: Ризаханова М.Ш., 2005. С.166).

Широко применялись для лечения бесплодия и паровые ванны. Женщину сажали над емкостью, наполненной горячим отваром различных лечебных трав. Парового эффекта достигали и при помощи раскаленного красного кирпича, опущенного в воду с ароматными травами. В лечении использовались и тампоны из конопляной пакли с медом. Рутулы, в частности, даже подготавливали женщину к распариванию: предварительно заворачивали в шкуру свежезарезанного барана и держали в ней около суток. Они же использовали для избавления от бесплодия специальный корень травы «четыре пальца» («*юкут тили*»), который выкапывали в чрезвычайно таинственной обстановке (См.: Булатова А.Г., 2003. С.187).

Для этой же цели, женщину окуривали дымом, сжигая нефть, отруби и красный кирпич. Поили отваром барбариса, боярышника, полевого щавеля, зверобоя. Для лечения бесплодия пользовались и горячими минеральными источниками и грязями, если они имелись в досягаемой близости. На известных в Южном Дагестане источниках в окрестностях Каякента, Ахты и других местах имелись водоемы из каменных плит, используемые в лечебных целях, в том числе и для лечения женских болезней.

Отсутствие детей, женские болезни, вызвавшие бесплодие, знахари объясняли и порчей («сглазом») или «ударом нечистой силы» и «боролись» с

ними с помощью различных обрядов.

Если по прошествии времени после свадьбы, испробовав все доступные способы лечения, женщина не беременела, то бесплодие ее считали, по поверьям народов Южного Дагестана, следствием «**чила**» («число сорок» – перс.). В отличие от известных представлений о «**чила**» как о сорока днях после родов, наиболее опасных для роженицы и ребенка, у лезгин, рутульцев, табасаранцев считали, что бесплодие женщина может получить и в период свадьбы под воздействием так называемой «**чила невесты**» («**свасан чила**» – лезг.) (См.: Рагимова Б.Р., 1991. С. 101; Булатова А.Г., 2003. С. 188; Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И., 2004. С. 161) – некой потусторонней силы, специфической порчи, которая может перейти к ней от другого человека или предмета, поразить ее и сделать бездетной. Считалось, что чила может перейти к невесте от бесплодной женщины, от человека, находившегося в соприкосновении с покойником. А потому старались не допускать, чтобы невесту навещала бездетная женщина, нельзя было приходить к невесте сразу после похорон, чтобы не навлечь на нее **чила покойного**. В частности, у табасаранцев, если такие люди направлялись в дом, она должна была, опередив их, выйти к ним первой, а войти вслед за ними (См.: Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И., 2004. С. 161).

Так, у рутульцев, например, если в день свадьбы в селении кто-нибудь умирал, а молодая семья впоследствии в течение нескольких лет оставалась бездетной, то предполагали, что произошло воздействие **чила невесты**. Для устранения последствий предпринимали следующие многоступенчатые действия: бездетную женщину купали в воде, которой обмывали очередного покойника в селении, а затем она трижды проходила под его носилками. Затем отмеряли по росту женщины шерстяные нитки семи цветов и, намотав их пучком на руку, завязывали узлом; узел этот хоронили с покойником, как бы отправляя обратно тому, от кого она получила **чила**. Кроме этого, из савана покойника выдергивали по ширине 7 ниток и обматывали щиколотку правой ноги бездетной женщины, подвергавшейся всем этим манипуляциям, и она должна была носить их еще неделю, до того как их сжигали, и заставляли вдыхать дым (См.: Булатова А.Г., 2003. С. 188). Если же была необходимость в ближайшее время вышедшей замуж девушке посетить дом, где находился покойник, то принимались какие-нибудь превентивные меры. У лезгин, например, обратно обязательно приносили кусочек материи от савана. Его клали в воду, и этой водой со словами: «Чилла кьада алатрай!» («Пусть уйдет чилла вместе с бедами!») – обливали невесту.

Воздействие **чила невесты** связывали и с другими причинами. В частности, у лезгин при случайной встрече две новобрачные должны были молча обменяться булавками. В случае же, если одна из них заговорит, то у той, что молчала, могла быть **чила**. В этнографической литературе имеются сведения об этом неспецифическом болезненном состоянии женщины. (Сухарева О.А., 1929. С.114–115; Снесарев Г.П., 1969. С.81–82; Серебрякова М.Н., 1979. С.134). На материале лезгин об этом писали многие исследователи (См.: Гаджиев Г.А., 1980. С.37; Рагимова Б. Р., 1991.С. 101; Ризаханова М.Ш., 2005. С. 166). Подобные представления имеются и у других народов Дагестана, в частности, у кумыков, ногайцев. Это состояние молодой невестки у этих народов связано с понятием «кьыркь» (Алимова Б.М., 1981. С.59).

У лезгин для решения проблем бесплодия, в частности, прежде всего устанавливали источник **чила**. За этим обращались к гадалщику (**килигдай касс**), которым мог быть и мулла. Тот, по информации Б.Р. Рагимовой, смотрел в специальную книгу – «**Тиб таб**» и определял, будет ли у конкретной женщины ребенок или же она должна примириться со своей участью. По свидетельству

информаторов, «*Тиб ктаб*» была книгой маленького формата, но довольно толстой. Не исключена в данном случае аналогия с совой как с птицей, олицетворяющей мудрость.

Были и другие варианты подобных магических действий, в частности у лезгин, вычислив у гадалки (гадальщика) имя человека, заразившего женщину **чила**, она писала его имя на бумажке и сжигала. Пепел женщина должна была закопать на поле человека, на которого указала гадалка (гадальщик), и от которого к ней перешла **чила**. Если это был покойник, надо было взять землю с его могилы и, размешав в воде, выпить эту воду или обмыть себя этой водой. Надо отметить, что омовения были весьма распространены как средство избавления от бесплодия. Так, в ряде случаев брали кусок одежды подозреваемого в причине чила, но чтобы он об этом ничего не знал, сжигали и размешивали пепел в воде, а затем мылись этой водой. Омовение, как правило, совершалось в три приема каждую среду в течение трех недель. Среда (арбе) и у других народов Дагестана известна как день, когда проводились «спасительные» обрядовые действия. С.Ш. Гаджиева считала, что именно в этот день недели проводилось лечение с целью противодействия болезням, так как среда ассоциировалась с несчастным днем, наиболее опасным для человека (Гаджиева С.Ш., 1985. С.338. Примеч.). Для омовения с целью избавления от **чила** у лезгин, например, широко использовались специальные чаши («*чилад жам*») (Рагимова Б.Р., 1991. С. 104.). Эти чаши, сделанные из меди, привозились из Мекки паломниками, совершившими туда хадж. Поверхность этих чаш была покрыта выгравированными арабскими письменами. Таких чаш почти в каждом селении имелось несколько штук, и давались они по первому же требованию.

Помимо омовений для избавления от «чила» прибегали к окуриванию. Для этого брали кусочек одежды подозреваемого или сметали пыль с дороги, по которой он прошел, сжигали его и дымом окуривали женщину, желавшую избавиться от бесплодия. Табасаранцы, чтобы вылечить невестку от «чила», проводили обряд втыкания 40 деревянных палочек со словами: «Чтобы с этими палочками чила ушла в могилу» – на могиле умершего накануне человека (См.: Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И., 2004. С. 161).

Магическая роль, избавляющая человека от болезней, полученных в результате **чила**, приписывалась и некоторым деревьям, имевшим большие сквозные отверстия в стволе. Их так и называли – **чилад ттар** (дерево от чила). Одно из таких известных деревьев находилось у с. Хорель, к которому приходили исцеляться из ближних и дальних селений. Дерево это – огромный дуб, стоявший на возвышенном месте и имевший в основании сквозное отверстие, которое одной своей стороной было направлено в сторону киблы. Считалось, что через отверстие не все женщины могли пройти. Если женщина проходила через него беспрепятственно, то ребенок у нее родится, если нет, то и ребенка не будет. Подобное же дерево, которое избавляло от чила, находилось также в районе сс. Ашага-Отал, Орта-Стал и Юхари-Стал Кюринского округа.

Существовал еще целый ряд магических приемов, при помощи которых женщина могла избавиться от чила бездетности. В с. Хрюг бездетную женщину водила вокруг селения другая женщина, читая при этом молитву «кьулгьу». В других селениях женщину водил вокруг селения мулла. Важным условием этого обряда являлось то, что женщина, желавшая иметь детей, должна была все время молчать.

От **чила** бездетности избавляли также следующим образом: в ночь на Яран сувар на поле выкапывали две ямы (желательно, чтобы участок был вакуфный) и соединяли их между собой отверстием. Через это отверстие женщина, желавшая иметь детей, должна была пролезть в направлении с севера на юг три раза. Рядом другая женщина в это время читала молитву «кьулгьу».

Во время представления канатоходцев, которые часто разъезжали по разным

населенным пунктам со своей цирковой программой, бездетные женщины три раза пробегала под канатом в надежде избавиться от чила. Имелись даже курьезные рекомендации для избавления от чила бездетности, как например: если женщина увидит трех лягушек, двигавшихся рядом, она должна была взять ту, что находилась в середине, плюнуть на нее и отпустить. Тем самым, как считалось, она могла избавиться от своего недуга.

Бездетную женщину для избавления от чила просовывали через так называемую «пасть волка». Для этого срезали полоску вокруг всей пасти убитого волка, получалась окружность вроде обруча, через которую и просовывали больную. Волка лезгины, наряду с другими жителями Кавказа и Дагестана в том числе, наделяли сверхъестественным могуществом, приписывая ему магическую силу (*Чурсин Г.Ф.*, 1929. С.202).

У рутульцев бесплодные женщины перешагивали через живого волка (*Магомедов Р.М.*, 1975. С.267). Такие же свойства приписывались шерсти, поэтому нередкими были случаи, когда с целью избавления от зла женщину просовывали через отверстие шерстечесалки или через отверстие, сделанное в нитях, которые служили основанием ковра. Это отверстие делалось после того, как ковер был закончен. Прежде чем подрезать нити основания в ряд, их надрезали в середине и просовывали через образовавшееся отверстие женщину три раза, читая при этом «кьулгь».

Поскольку одной из причин **чила** бездетности у лезгин считался покойник, о чем уже говорилось, то на сей счет имелся целый ряд рекомендаций. Бездетная женщина должна была три раза пройти под носилками (*мягьфе*) в то время, когда покойного несли на кладбище, или она три раза проходила под корытом (*кьул*), в котором обмывали тело покойного. Бездетную женщину мыли рукавицами для обмывания покойника (*бегьлеяр*). Эти рукавицы можно было взять в специальном помещении на кладбище, где хранился погребальный инвентарь. По свидетельству Г.А.Гаджиева, в некоторых лезгинских селениях для исцеления от бесплодия использовали воду, оставшуюся после обмывания тела покойного (*Гаджиев Г.А.*, 1980. С.36).

Для более действенного избавления от **чила покойного** женщине рекомендовалось даже сделать углубление на могильном холме подозреваемого в чила покойного и посидеть над ним.

Возможно, это – одна из разновидной известного обряда «улавливания» душ, как и описанные выше, к которым прибегали бесплодные женщины (*Снесарев Г.П.*, 1969. С.126). Г.П. Снесарев писал об узбеках Хорезма, что «такого рода ритуальные действия бесплодных женщин восходят к примитивным представлениям о том, что душу, покинувшую тело, возможно «уловить» с тем, чтобы она возродилась в новом члене рода. Естественно, что совершать ритуал (улавливания) души легче всего в тот момент, когда происходят похороны, и душа следует за телом умершего» (*Снесарев Г.П.*, 1969. С.126). Особенно продуктивными эти церемонии считались, если они совершались тогда, когда умирал старец 90–100 лет. Бездетные женщины брали также кусочек савана покойного старца, сжигали его и садились над дымом.

Несколько иначе проводились манипуляции с покойником у горских евреев. При долгом отсутствии детей женщину проводили под носилками покойника, которого несли на кладбище. На следующий день она должна была взять со свежей могилы горсть земли, развести водой, отпить три глотка, а остальной водой обмыть грудь, гениталии, руки, ноги – считалось, что этими действиями она сможет открыть для себя «закрытые» детородные функции. Для этой же цели у них бездетным женщинам рекомендовали 40 дней носить или держать под подушкой рубашку покойника.

Бесплодные женщины искали исцеления и в посещении святых мест. Такими святыми местами являлись пиры – могилы святых, культ которых особенно был распространен в Южном Дагестане. Почитаемые могилы были весьма многочисленны, но среди них выделялись такие, которые почитались именно бесплодными женщинами. Универсальным местом паломничества с просьбой о придании продуцирующих способностей женщине для всех народов Южного Дагестана являлось кладбище Кырхлер (Къыркъ-лар – сорок могил) в Дербенте, где похоронены 40 шахидов (мусульман, погибших за веру). На этом кладбище и по сей день бездетные женщины после некоторых манипуляций (жертвоприношений и молитв с просьбой даровать детей) пытаются раскачать большой камень, по форме напоминающий каменную колыбель. Считалось, что если «колыбель» качнется, то у женщины будет ребенок, если же нет, то и детей не будет (сведения о Кыркълар имеются, в частности, у Б.М. Алимовой – См.: *Алимова Б.М.*, 1981. С. 60).

Особенно почитались бесплодными женщинами Южного Дагестана пиры священной горы Шалбуз-Даг. Почти на его вершине находился знаменитый пир Сулеймана-буба. Женщины, совершавшие туда паломничество, устраивали гадание, будет у них ребенок или нет: из ниток и платочка делали подобие люльки и ребенка, если люлька качалась сама по себе, то считалось, что у женщины родится ребенок, если не качалась – то ребенка не будет. На пирах святой горы Шалбуз-Даг женщины, загадав желание, часто оставляли в надежде самодельные тряпочные куклы.

На Шалбуз-Даге имелось место, напоминавшее туннель, у выхода из которого находились большие камни. По существующим поверьям, камни сжимались, если сквозь «туннель» проходил грешник, и оставались неподвижными, если проходил безгрешный человек. Представления о больших камнях с естественными отверстиями, как имеющих магическую силу, которые часто служат для протаскивания сквозь отверстие больных, для излечения от бесплодия, широко были распространены на Кавказе (*Чурсин Г.Ф.*, 1929. С.212). Подобное же мы наблюдали и в случае с деревьями со сквозными отверстиями в стволе.

Однако наиболее действенным средством считалась вода, собранная из источников разных пиров, которых должно было быть не менее семи. У подножия Шалбуз-Дага имеется множество источников, вода которых считается священной. Женщины верили, что она также исцеляла от бесплодия.

Многие отчаявшиеся женщины совершали паломничество и в Северный Азербайджан, к святому Мурад-пиру (пир мечты).

В Южном Дагестане, как известно, было множество могил, деревьев и других объектов, которые являлись местом поклонения бездетных женщин. В частности, «Касум утаг» (комната святого Касума) в селении Мискинджа; могила «Рушанни цхин сур» (могила девушки и юноши) и др., о которых пишет М.Ш. Ризаханова (См.: *Ризаханова М.Ш.*, 2005. С.164–165).

История «освящения» многих из них весьма интересна. Про вышеназванный «Рушанни цхин сур», как повествует М.Ш. Ризаханова, существует «легенда о влюбленных, которые вынуждены были убежать из селения из-за родственников, не желавших их брака. Спустя несколько месяцев после бегства их нашли мертвыми. Никто не знал причину смерти – сами ли они себя убили или их настигла месть родственников. Они лежали обнявшись. Сельчане похоронили их на месте смерти и с тех пор на их могиле, как уверяют местные жители, каждую весну вырастает цветок, имеющий форму обнявшихся людей. Паломницы после предварительных жертвоприношений, моления, ложились около могилы и старались заснуть. Если во сне бесплодная женщина видела детскую люльку,

считалось, что моления и жертвы ее приняты, в противном случае она уходила, потеряв всякую надежду стать матерью» (См.: *Ризаханова М.Ш.*, 2005. С. 165).

Лезгинские женщины с. Хлют, у которых не было детей шли, например, к Теке-пиру. Там имелось специальное место между двумя могилами, куда женщина должна была лечь и, заснув, увидеть сон, будет ли у нее ребенок или нет. Там же совершали следующий обряд: женщина три раза обходила могилы с муллой, который держал ее за руку. С могил она брала землю, которую надлежало развести в воде. Воду выпивала, а мелкие камешки в осадке собирала и клала в такое место, куда не ступала нога человека. На могилы приносили еду, деньги. Кто-то другой должен был забрать это. Сведения о посещении бесплодными женщинами могил святых мы находим у Б. Буткевича. Так, бездетные Куруша, желая иметь детей, отправлялись в с. Ихир на могилу мюрида Ших Мулла Юсуфа и обходили ее три раза. Потом брали землю и, размешав с водой, пили. Луткунцы проделывали то же самое, но только ходили на гору Луткунский пир, к могиле мюрида Пир (Запись студента... Л.25). Жительницы с. Юхари-Яраг, у которых не было детей, отправлялись к могилам Магомеда Эфенди и Магомеда Яраги. Там у пира росло огромное дерево с дуплом – отверстием. Через это дупло или под наклонившейся до земли веткой проходили женщины три раза, читая молитву «кьулгьу», 112 суру Корана.

К посещению пира тщательно готовились. Женщина направлялась к выбранному для поклонения пиру в сопровождении родственниц мужа. С собой они брали еду, сладости, отрез ткани. Совершив обряд вокруг пира, раздавали садака (милостыня). Дары, принесенные с собой, оставляли на могиле святого. Там же давалось обещание в случае рождения ребенка сделать жертвоприношение – кьурбанд.

В с. Ашага-Мака и в целом ряде других сел Кюринского округа бездетные женщины ходили на могилу, в которой, по поверью, был похоронен человек, умерший от чила, и этой могиле (чилад сур) приписывались магические свойства избавления от чила бездетности. С могилы брали землю, размешивали в воде и обмывали ею женщину. За землей на «чилад сур» отправлялась, как правило, свекровь. Когда она возвращалась домой, невестка должна была выйти ей навстречу и молча пройти мимо и лишь после нее зайти обратно. Взамен той земли, что была взята с могилы, надо было положить горсть другой, иначе, считалось, пользы не будет.

Местами поклонения бесплодных женщин были не только пиры и могилы, но и причудливые объекты природы. Так, в окрестностях с. Кахул (Самурский округ) находился большой камень, имевший форму кровати с подушкой. Этот камень являлся местом паломничества многих женщин из близких и дальних сел. Женщина отправлялась туда со своим мужем. Предварительно помывшись, ложилась спать с мужем на этот камень. По народным представлениям она должна была забеременеть в том лишь случае, если увидит сон, в котором может присниться все за исключением мула. Считали, что если ей приснится мул, то она никогда не родит ребенка (Запись студента... Л. 25). По закону подобия сновидение с бесплодным существом мулом в реальной жизни грозило женщине остаться бездетной навсегда.

Несмотря на то, что представления о причинах бесплодия, рассматривались в трех направлениях и подходы к их устранению были самые разные, наиболее многочисленными действиями молодых женщин и их родственников были посещение женщиной известных святых могил или других «чудодейственных» мест, которые по народным поверьям должны были изменить продуцирующую способность просительницы. Независимо от того, куда отправлялись женщины с просьбой о наделении их продуцирующими способностями, действия их были практически одинаковы: просительницы привязывали к дереву или древку на

могиле «святых» или в другом святом месте полоску ткани, оторванную от подола, и просили, предварительно помолившись, о рождении ребенка. Иногда в святом месте проводили заклание жертвенного животного и раздавали его мясо в своем селении обычно нечетному количеству семей.

Надо отметить еще один общий важный момент: народам Южного Дагестана было свойственно считать самым действенным, удачным временем проведения обрядов, предназначенных для придания молодым людям продуцирующих свойств – начало весны, когда просыпается вся природа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алимова Б.М., 1981. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX – нач. XX вв.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XXв.). Махачкала.

Булатова А.Г., 2003. Рутульцы в XIX – начале XX вв. Историко-этнографическое исследование. М.

Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И., 2004. Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. Махачкала.

Гаджиев Г.А., 1980. Пережитки древних представлений в похоронно-погребальной обрядности лезгин // Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала.

Гаджиева С.Ш., 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.

Запись студента ЛГУ *Буткевича Бронислава* об участии в Дагестанской этнографической экспедиции// РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д.49.

Магомедов Р.М., 1975. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала. С. 267.

Мусаева М.К., 2006. Традиционные обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей у народов Нагорного Дагестана. Махачкала.

Песня гостей, 1956 // Из дагестанской народной лирики. Махачкала.

Рагимова Б.Р., 1991. Семейная обрядность лезгин (вторая половина XIX – нач. XX в.). Депонирована в ИНИОН АН СССР. № 3/147-52215. М.

Ризаханова М.Ш., 2005. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала.

Серебрякова М.Н., 1979. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М.

Снесарев Г.П., 1969. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.

Сухарева О.А., 1929. Мать и ребенок у таджиков // Иран. Т.3. Л.

Чурсин Г.Ф., 1929. Амулеты и талисманы кавказских народов. // СМОМПК. Вып. 46. Махачкала.